

ГЛАВА II. Революция и Дарвинизм.

Когда Дарвин обнародовал свою теорию «Эволюции», все официальные ученые, видя в ней только ниспровержение догмата о сотворении мира Богом, ополчились против него. Ранее они точно также расправились с Ламарком, но с того времени мысль прогрессировала, умы были подготовлены, и идея «эволюции» устояла против их нападков и получило права гражданства в ученом мире.

В противовес к сказанному, в некоторых сферах усмотрено было в этой теории оправдание современного политического режима и осуждение революционных стремлений пролетариата, оправдание эксплуатации, тяготящей над ним, и «борьба за существование», «половой подбор», «эволюция» появились под столь разнообразными приправами, что английский ученый, наверно, не мог признать за воплощение своей идеи ту крошку, которую ему преподнесли.

Ухватившись за теории продолжателя Ламарка, Гете и Дидро толпа жалких комментаторов вздумала применить теорию «борьбы за существование» к человеческому обществу, расширив ее до пределов, о каких, несомненно, никогда не мечтал сам автор.

«В виду тяжелых условий существования — говорят они — общество естественно разделилось на два класса: на обеспеченных и работников[1]. Земля не производит достаточно, чтобы обеспечить каждому удовлетворение его потребностей, отсюда проистекает борьба, а следовательно имеются победители и побежденные. Правда, побежденные обращаются победителями в рабов, но ведь это естественное последствие борьбы; зато борьба двигает прогресс человеческого рода, побуждая отдельных индивидуумов развивать свои умственные способности, чтобы не исчезнуть с лица земли».

«В доисторические времена — продолжают они — победитель поедал побежденного; в настоящее время он заставляет его трудиться на пользу общества и приумножать богатства на пользу ему, следовательно, прогресс — несомненен; к сожалению, условия жизни так тяжелы, средства существования так ограничены, что нет возможности удовлетворить потребности всех; необходимо, чтобы одни согласились отказывать себе в удовлетворении; таков естественный закон. Удовлетворение потребностей в полном объеме приходится на долю небольшого числа избранников, которые являются наиболее одаренными, наиболее способными уже потому, что они — победители».

«Конечно, очень жаль, что борьба уносит столько жертв, и общество должно быть реформировано, но это дело времени и будет результатом эволюции человечества. Пусть те, кто сильнее и одареннее, прокладывают себе дорогу в толпе и становятся во главе

общества! Так было всегда, и соперничество — одна из причин прогресса!».

Жестокий эгоизм буржуазии особенно откровенно обрисовывается в нижеследующих строках, так часто цитируемых ее представителями: «Земля уже распределена, и человек, рождающийся на свет, если у его родителей нет средств прокормить его, или обществу не нужен его труд, не имеет ни малейшего права требовать своей доли пропитания; такой человек действительно лишний на земле. На великом пиру природы не приготовлено для него прибора. Природа велит ему уходить прочь, и немедленно сама приводит свой приговор в исполнение. Там, где природа приняла на себя обязанности приказывать и карать, было бы безумием идти ей наперекор, а потому, пусть этот человек подвергнется каре, к которой он приговорен природою за то, что он неимущий!!! Пусть он поймет, что он и его семья осуждены природою, и что если он и его семья не умирают от голода, то этим они единственно обязаны какому-нибудь милосердному благодетелю, который, помогая им, совершает преступление против законов природы» (Мальтус, О народонаселении).

Как видите, признание откровенно и угроза очень категорична: «Бедняк не имеет права жить! Если ему удастся кормиться крохами от щедрот общественной или частной благотворительности, то и за это пусть благодарит господ!

Рабочие! когда, вынужденные безработицей, вы прибегаете к закладам и мелким займам, не забывайте, что вы не имеете права жить, если у вас нет сбережений! Не надоедайте же своим «правом на существование», и не кричите об нем громко; берегитесь! Вам сумеют напомнить, что родиться неимущим — преступление, и что если вы существуете, то единственно благодаря снисходительности имущих классов!

Не забывайте, рабочие, вы, которые в старости умираете от голода, истратив силы на производство богатств, долженствующих увеличить сумму наслаждений ваших эксплуататоров, что преступно родиться от неимущих родителей, и не суметь в течении жизни скопить денег на старость. Будьте довольны уж тем, что сострадательным благодетелям угодно было, пока у вас были силы, пользоваться вашими услугами для того, чтобы пустить в обращение свои капиталы, которые, без вас, не приносили бы им дохода: теперь, когда вы калеки и ни на что не годитесь, уходите прочь; вы мешаете движению: ничего для вас больше сделать нельзя».

Вышеуказанное признание не единично. Послушаем еще: «Дарвинизм ничего общего не имеет с социализмом. Если можно ему приписать какую-либо политическую тенденцию, то разве только аристократическую, ибо теория «подбора» учит, что в человечестве точно также, как в море растений и животных, везде и всегда только очень ничтожное меньшинство привилегированных развивается и живет полной жизнью, огромное же большинство чахнет и раньше или позже погибает. Жестокая борьба за существование царствует повсюду, и только избранное небольшое число сильнейших и способнейших в состоянии победоносно выдержать конкуренцию; большинство же в силу необходимости должно погибнуть». (Цитата из Геккеля в «Darwinisme social» Готье).

На этот раз, нищие и голодные, с вами не церемонятся: развитие буржуазии роковым образом влечет за собою гибель пролетариев, если не всего пролетариата; каждое новое

наслаждение, приносимое наукою в дар буржуазии, соответствует новому страданию для рабочего класса. Чтобы существование буржуазии было обеспечено, необходимо приковать пролетариат на веки к ярму, под которым она его держит. Так говорит ученый буржуа Геккель, вероятно, понимающий то, что говорит, ибо на то он ученый.

Разве не возмутительны претензии буржуазии на превосходство! Ведь единственное их превосходство состоит в том, что они появились на свет после своих отцов, среди роскоши, с капиталами, обладая всеми средствами, необходимыми для развития, с одной только заботой: жить и наслаждаться!

Прежде высшим классом считало себя дворянство; имея возможность упомянуть кого-либо из более или менее отдаленных предков, какое-нибудь деяние его, часто достойное бандита или сутенера высокой марки, дворянин считал себя неизмеримо выше всякого не дворянина, не записанного в родословные книги. Ныне дворянское происхождение уступило первенство капиталу. Достоинство человека измеряется не предками его, а деньгами. Дворянин определял цену себе количеством чужих жизней, насильственно прекращенных его предками; капиталист — количеством совершенных им грабежей.

Убийц и грабителей, вот кого хотят представить «цветом» человечества!

Они то цвет! Ведь прошло едва столетие, как их сословие получило власть, и оно уже разлагается, и неизвестно, что оно представляло бы из себя теперь, если бы не постоянный живительный приток перебежчиков из рабочего класса, которыми жажда наслаждений и власти пополняет их ряды.

На каком поприще доказали они свое превосходство? Не в области ли науки? Но, ведь, известно, что их официальная наука всегда тормозила истинную науку; всякое научное открытие прежде всего подвергается ими гонению, и признается только тогда, когда его значение слишком для всех очевидно. Усилия официальных ученых авторитетов направлено, главным образом, к тому, чтобы из всякого научного явления выжать и выудить оправдание для господствующего эксплуататорского строя.

Или в области искусств и литературы? Нет ни одного истинно талантливого произведения человеческого творчества, которое не осмеивало бы современных предрассудков и учреждений, и не отказывалось бы от солидарности с ними.

Они всегда преследовали всякого, вливающего свежую струю в искусство, и расточали милости и награды мелким посредственностям и бездарным ничтожествам.

Но, может, быть они обнаружили свое превосходство в сфере политики? В политике они представляются сбродом проходимцев и насильников, не имеющих за душою ни одного положительного устоя, ни одной идеи, на которой могли бы обосновать свои претензии на превосходство; это — люди сомнительной репутации, торгующие своей влиятельностью и пользующиеся властью для скорейшего обогащения.

Все они хорошо сознают свою гнусность; так хорошо, что в борьбе, которую они ведут для защиты своих классовых интересов, не осмеливаются выступить с той дикой энергией, с

какой действовали в 89 году члены конвента; последние, как истинные сектанты-фанатики своих сословных интересов, выказали себя беспощадными к тем, у кого отняли власть, несправедливыми и жестокими по отношению к рабочему классу, при содействии которого одержали победу, но за то они не боялись своих поступков, заплатили своими головами и имеют, по крайней мере, то достоинство, что не были вульгарными: Преемники их, — вероятно, более жестоки, чем были они, но трусливы и неспособны пожертвовать жизнью.

Потомки этих сильных людей, ведших свое происхождение от мощных средневековых общинников, исчезли с исторической сцены, преданы забвению, и места их заняли политические фокусники, держащиеся на подмостках парламентаризма только за полным отсутствием стыда, благодаря которому они проглатывают самые обидные оскорбления с тем же спокойствием, с каким прячут взятки в свои карманы. Они сильны и управляют другими разве только потому, что наглы, и это заменяет ум, которого у них нет.

Буржуазия сделалась паразитствующим сословием, живущим на счет тех, кто работает, и потеряла способность производить что-либо, и когда люди с высшим образованием, в роде цитированных мною раньше, обладавшие всеми средствами, необходимыми для приобретения научных познаний, из всех научных данных, которые они имели возможность проанализировать, извлекли только те выводы, какие я привел выше, то спрашивается, какова же была бы степень их знания, если бы они не располагали средствами учиться?

Они называют себя лучшими! Но, ведь, исключив нескольких человек, действительно сумевших использовать все средства, доставляемые богатством и общественным положением, мы увидим целую массу таких, которые в отношении умственного развития остались далеко позади рабочих, и которые не сумели бы жить, если бы были вынуждены сами вырабатывать средства для своего существования.

За то, сколько среди рабочих гибнет от непосильного беспросветного труда таких, которые имеют право повторить, указывая на свою голову, слова, сказанные якобы Андре Шенье, когда он шел на эшафот: «А, ведь, у меня было кое-что здесь».

Да, интересно было бы собрать статистические данные о знаменитостях, которыми гордится современная цивилизация, и на основании таковых выяснить, сколько таких знаменитостей выдвинулось при ее содействии, и сколько помимо нее и наперекор ей, и затем сравнить их относительную ценность.

Сами принадлежа к классу, эмансипация которого сделалась возможною только путем насилия, мы намерены для доказательства правоты наших претензий, воспользоваться аргументами официальных ученых; обращая против них их же диалектику, мы докажем, что право рабочего класса прибегнуть к насилию явствует из их собственной аргументации. Затем, когда будет доказано, что подобно копью Ахиллеса их аргументация залечивает раны, ею нанесенные, мы докажем всю несостоятельность этой аргументации; докажем, что борьбой за существование объясняется только одна ничтожная часть всех явлений, относящихся к эволюции, что будучи применимой в мировой жизни вообще, она — абсурд, когда речь идет об общественном строе, ибо таковой держится на законах солидарности и взаимопомощи, которые суть противоположности борьбы за существование.

Докажем, наконец, что в современном обществе благоденствуют не самые способные и даровитые, а напротив расслабленные и истощенные; что пресловутый недостаток средств пропитания есть плод их фантазии, что он создается ими самими ради того, чтобы держать в своей власти рабочего, который — они это знают — не замедлит освободиться из-под гнета в тот момент, как над ним перестанет тяготеть страх за свое существование и за жизнь его семьи.

Даже если «борьба за существование» и участвует до некоторой степени в совокупности факторов, движущих прогресс в эволюции человечества, то во всяком случае неверно, что ею одной объясняется этот прогресс.

Только путем подтасовки фактов можно доказать справедливость требований, проистекающих исключительно из алчности и честолюбия; общественные науки и история отрицают превосходство, приписываемое себе известными расами, классами и индивидуумами, хотя бы их притязания на таковое опирались на силу и численном превосходстве.

Когда начался упадок религиозных верований среди народных масс, буржуазии необходимо было искать, на чем обосновать свое господство; выход, казалось, был бы найден, если бы существующий режим был санкционирован наукой, которая убедила бы рабочий класс в том, что его положение является роковым последствием естественного хода вещей, столь же логичного, как математическое уравнение или закон тяготения; и вот они набросились «на борьбу за существование», в которой, как им казалось, и заключаются искомые доказательства.

«Борьба, — говорят они — принуждая человека изыскивать средства к пропитанию, развила его природные способности; конкуренция поддерживает эти способности в постоянном напряжении, и благодаря этому уже приобретенные способности сохраняются и продолжают развиваться, и приобретаются еще новые. Таким образом, «борьба за существование» — мать прогресса, ибо заставляет отдельных людей и целые расы непрерывно прогрессировать из опасения быть уничтоженными. Кроме того, уничтожая самых слабых, менее способных и хуже одаренных, она очищает место для даровитейших и сильнейших».

«И так и должно быть всегда, — продолжают они — ибо, если бы установился такой общественный строй, при котором все имели бы возможность свободно удовлетворять свои потребности, все были бы равны, никто бы не повелевал, и никто не повиновался, а всякий производил бы сообразно своей воле; тогда не было бы соревнования ни инициативы, и общество распалось бы и возвратилось бы в первобытное состояние варварства, неустойства и господства грубой силы».

Чтобы доказать несостоятельность этого аргумента, достаточно цитировать самих же представителей буржуазии:

«Социальная война по сравнению с естественной «борьбой за существование» представляет то великое неудобство, что так как силы естественного закона более или

менее стеснены человеческой волей и человеческими учреждениями, то шансы на победу не всегда на стороне лучшего, сильнейшего и даровитейшего; напротив, чаще всего индивидуальное величие ума приносится в жертву какой-нибудь личной симпатии, внушенной социальным положением, происхождением, богатством». (Бюхнер, *L'homme selon la science*, стр. 207—208).

Точно также борьба является не последствием естественного неравенства, а причиной его, и защитники «борьбы за существование» напрасно ссылаются на нее, для оправдания буржуазного строя.

«Все эти неравенства, все эти уродливые явления должны быть приписаны социальной борьбе за существование, еще не регулируемой разумом и справедливостью; борьба эта поддерживается, главным образом, бесчисленными проявлениями политического гнета, насилия, грабежа, захвата, которыми переполнена история прошлого, и которые мало просвещенным современникам кажутся следствиями социального движения». (Бюхнер, *L'homme selon la science*, стр. 222).

Возможно, что в те отдаленные времена, когда человек еще не выделился из среды остального животного мира, когда единственным оружием его были инстинкты питания и размножения и рудиментарный мозг, в котором каждый приобретенный опыт и новое приспособление запечатлевались чрезвычайно медленно, возможно, говорю, что тогда борьба за существование являлась для него вопросом жизни или смерти, и он вынужден был вести ее: убивать, что бы не быть убитым, поедать другого, чтобы не быть съеденным самому. Если таково было начало истории человечества, то те отдаленные времена по справедливости могут быть названы золотым веком политической экономии, ибо — как уверяют натуралисты — конкуренция была тогда единственным законом, управляющим миром.

Относительно размеров, в каких велась эта конкуренция, существует много гипотез, но, в сущности, неизвестно ничего. Правда, в земле находят человеческие кости, со следами поранений, причиненных первобытным оружием; за то откапываются и такие кости, на которых сохранились следы ран, залеченных, что доказывает, что раненный пользовался уходом близкого ему человека, уходом продолжительным, ибо по рубцам видно, что человек пережил рану; что зарубцевание шло медленно, и что местонахождение раны не позволяло раненому обходиться без посторонней помощи.

Итак, если у колыбели человечества мы находим следы насилия, то находим также следы солидарности и взаимопомощи; таким образом, открыт новый «естественный закон», о котором политики-комментаторы Дарвина благоразумно умалчивают.

Вывод из предыдущего тот, что если борьба — первый двигатель человеческих поступков, то этим только объясняется, почему первобытные человеческие общества с самого момента их возникновения оказались запятанными первородным грехом и послужили более сильным и ловким рычагом для эксплуатации слабых и неразумных, но нисколько не доказывает, что именно борьба была причиной прогресса. Интересно выяснить вопрос, совершался ли прогресс вследствие борьбы, на которое обречено было человечество, или

помимо нея; но вряд ли когда либо он выяснится.

Как бы там ни было, если даже борьба и была одной из причин прогресса, то все-таки ясно, что ею объясняется далеко не все, и что причинами эволюции являются еще и другие естественные законы, между которыми «взаимопомощь» занимает не последнее место; ибо наличность ея объясняет нам, почему люди продолжали организоваться в общества, несмотря на то, что для многих такая организация оказалась весьма неудобной.

Когда после целого ряда перерождений и постепенных приспособлений появились на земле организованные существа, естественно, что среди всех этих организмов, лишенных разума и высших инстинктов и живущих только потребностью питаться и плодиться, должна была вестись непрерывная война, не знавшая пощады для побежденных.

Но это не была «борьба за существование», о которой говорят экономисты. Правда, виды воюют между собою, но не особи одной разновидности; растение питается минералом; плотоядное животное поедает травоядное и других более слабых своих сродственников, но, конечно, принадлежащих к другой разновидности.

Только какая-нибудь непредвиденная катастрофа, какие-нибудь исключительные обстоятельства, вследствие которых животное поставлено в невозможность добыть себе обычный корм, может заставить его поедать особей одной с ним разновидности. Р. Уоллес в своем сочинении «Darwinisme» говорит (стр. 146 и 148), что близкие между собою разновидности обитают в территориях, отдаленных друг от друга, что доказывает, что после распада на две разновидности они предпочли разъединиться и жить в дали, чем вести между собою войну за существование.

Достаточно прочесть хоть одно сочинение по естественной истории, чтобы убедиться в том, что война между особями одной и той же разновидности — явление исключительное, между тем как ассоциация для совместной борьбы — нападения или защиты, взаимная помощь, одним словом, солидарность, являются общим правилом. Солидарность эта существует не только между особями одного вида, но даже, когда дело идет о добывании корма или защите, — между различными видами. Даже растения некоторых видов бессознательно группируются и таким образом оказывают сопротивление разрушительным силам, от которых гибнут одинокие особи.

Экономисты и прочие, так называемые, эволюционисты отлично понимают, где слабый пункт их аргументации, и поэтому пытаются объяснить борьбу несколько иначе.

«Борьба — говорят они — не всегда ведется при помощи физической силы; между особями одного вида может вестись борьба, без того, чтобы соперники шли грудь грудью друг против друга». Между прочим, для примера они указывают на диких лошадей в Тибете, голодающих в зимнее время, когда снега покрывают их пастбища. Из них те, которые послабее, будучи не в силах пробивать ледяную кору, препятствующую доступу к корму, погибают от голода, более же сильные выживают и плодятся.

Остановимся на одном этом примере, ибо остальные однородны с ним. Г-м экономистам мы возразим следующее: Ваш пример доказывает только то, что одни особи гибнут при тех же

условиях, при которых другие выживают: но это не есть доказательство, что оставшиеся в живых выиграли оттого, что те погибли: кроме того, гибель в данном случае произошла от естественных атмосферических явлений, а не как следствие борьбы за существование, и если бы в этом случае была больше развита взаимопомощь, то, по всей вероятности, в живых осталось бы гораздо более значительное количество.

Точно также экономисты говорят, что если бы все зародыши рождались на свет, развивались и достигали зрелого возраста, то, принимая во внимание плодовитость некоторых видов, виды эти в очень непродолжительном времени покрыли бы собою всю земную поверхность, в ущерб остальным видам, и особи одного вида были бы вынуждены поедать друг друга. «Таким образом жизнь одних особей обуславливается гибелью других. И здесь побеждают те, кто сильнее и даровитее».

Мы согласны с тем, что действительно одни виды живут за счет других видов, и что множество особей гибнет еще в зародышах, это факты, которых никогда никто не оспаривал; мы желали бы только выяснить следующее: 1) имеет ли один человек, раз он родился на свет, право жить и развиваться в тех же условиях, как другой? 2) полезно ли для людей воевать между собою ради взаимного порабощения и эксплуатации? и 3) возможно ли полное счастье одного человека, пока рядом с ним другие люди страдают и терпят лишения?

Полагаем, что ответ готов у всякого, кто только не преклоняется перед властью и богатством: поэтому не будем здесь останавливаться на этих вопросах, тем более, что к ним вернемся в дальнейших главах этой книги.

Точно также неоспоримым фактом является и то, что человеческие общества эволюционировали в смысле развития до крайних пределов индивидуальной конкуренции, и что соединяясь в общества, люди продолжали враждовать между собою; но если изучить причины этого явления, то увидим, вопреки уверениям пристрастных ученых, что эволюция в вышеуказанном направлении вовсе не — неизбежный закон, и что она могла бы совершиться иначе; что во всяком случае, как для отдельного человека, так и для всего человеческого рода желательно, чтобы в настоящее время она проходила иначе.

Если бы та тесная солидарность, какая наблюдается у некоторых видов растений, у некоторых животных и насекомых, как то муравьев, пчел, ос и т. д., а также у некоторых некультурных народов, в свое время одержала верх в борьбе инстинктов в человеке, то эволюция приняла бы совершенно иное направление и человеческие общества были бы совершенно иными. Следовательно говорить, что «борьба за существование» есть неизбежный закон — является абсурдом.

Человек, выйдя из состояния животного нагим и безоружным, окруженный со всех сторон сильно вооруженными врагами, должен был нести огромные труды ради того, чтобы отстоять свое существование; он должен был напрягать свой мозг на придумывание всевозможных ухищрений и изворотов, пока наконец, его интеллект не развился настолько, что заменил собою мускульную силу, в которой ему отказала природа: человек начал выделять наступательное и оборонительное оружие.

Жизнь первобытного человека, полная лишений и трудов, непрерывная борьба его с природой и другими видами, лучше, чем он, вооруженным, у которых он вынужден был оспаривать корм и права на существование, способствовали тому, что в нем накопилась некоторая доза наследственных инстинктов воинственности и властолюбия. Этим объясняется, почему при первых же опытах солидаризации сил и интересов, несмотря на то, что люди понимали полезность ассоциаций, тем не менее те из них, которые были сильнее и хитрее, воспользовались ассоциациями, чтобы господствовать над другими и пристроиться паразитами на новообразовавшемся организме: обществе.

Но неужели так должно продолжаться и в настоящее время, когда человек сознает, сравнивает и мыслит; когда он обладает превосходно развитой речью и письменностью, посредством которых передает потомству свои знания и открытия; когда его мозг приспособлен к абстрактнейшему мышлению; увы! часто черезчур абстрактному!

Очевидно, нет. Человек должен уразуметь, что его предки, избивая, грабя, эксплуатируя друг друга, шли неверным путем, и должен возвратиться к той солидарности, задатки которой уцелели в нем, несмотря на тысячелетия непрерывной войны.

Враждебных элементов достаточно находится в самой природе, и на борьбу с ними еле хватит соединенных сил всего человечества. Таким образом, когда буржуа заговорят о прогрессе, о правах общества и проч. и проч., мы можем на основании аргументов самих же буржуазных ученых, — посмеяться над ними и в ответ указать им на права личности, которой нет дела до прогресса, раз она должна будет продолжать быть жертвой его.

Дальше мы увидим, что общество, в котором человек имел бы возможность удовлетворять полностью все свои потребности, такое общество отнюдь не задержит прогресса, а наоборот поможет ему, ибо человеку свойственно создавать себе все новые потребности, по мере того, как ему облегчается возможность удовлетворения его прихотей. Пока докажем только, что в современном обществе богатства и наслаждения достаются вовсе не тем, кто интеллигентнее, сильнее и способнее и может споспешествовать улучшению человеческого рода, а напротив выпадает на долю людей, процветание которых влечет за собою вырождение не только общественного класса, к которому они принадлежат, но и всего человечества.

В течение своей борьбы с дворянством за равноправность буржуазия развила в себе некоторые положительные качества, благодаря которым она достигла цели и добилась столь желанной власти; но затем с нею произошло то, что происходит в мире животных со всеми чужеродными организмами, а в частности с одним видом ракообразных, о которых Геккель упоминает в своей «Истории мироздания»: ракообразные эти в первоначальной стадии развития обладают более сложной организацией, чем взрослые особи; взрослый экземпляр, поместившись на спине моллюска, теряет способность передвижения, и в нем продолжают развиваться только одни щупальцы, которыми он обхватывает и присасывается к эксплуатируемому им организму: быв раньше животным деятельным, подвижным, воинственным, он теперь превращается в простой пищеварительный аппарат. Таково современное состояние буржуазии, по крайней мере, рассматриваемой как общественный класс.

В современном обществе силу представляют не физические, не нравственные и умственные качества человека, а только деньги. Можно быть золотушным, рахитиком, слабоумным, уродом в физическом и нравственном отношениях, но, если есть деньги и связи в высших сферах, то можно добиться всего; при таких условиях человек может быть уверен, что найдет жену, от которой продолжится его род.

Что касается пролетария, то если бы он родился с очень выдающимися способностями, они ему бесполезны, потому, что у его родителей нет средств дать ему образование, необходимое для развития его интеллекта; даже если ему удастся получить образование, то и тогда природные дарования не принесут ему пользы, ибо у него нет ресурсов применить их к жизни. Он осужден довольствоваться зависимым положением у какого-нибудь эксплуататора, который ниже его во всех отношениях, но обладает именно тем, чего недостает у пролетария: капиталом.

Будь он богатырь в физическом отношении, непомерный труд, лишения и нужда состареют его прежде времени, и, если случайно найдется несчастная женщина, которая согласится связать свою судьбу с его, то потомство получится малокровное и чахлое, ибо непосильный труд и физическая истощенность жены и мужа не могут не повлечь за собою вырождения детей. Вынуждаемая заботами о семействе, женщина три четверти своего времени отдает труду и, еле держась на ногах, работает на фабрике, или в мастерской до последнего момента, пока предродовые боли не свалят ее на постель: если к этому прибавить отвратительные гигиенические условия, при каких в большинстве случаев ведется труд, то получится больше, чем нужно, чтобы атрофировать семью на продолжительное время.

Конечно, я взял крайность, не все рабочие до такой степени удручены нуждой, и между человеком, в буквальном смысле умирающим от голода, и миллиардером тратящим несколько тысяч франков ради потехи, на погребение своей собаки, есть целая промежуточная градация с бесконечным числом оттенков.

Отрицательным подбором является еще военная служба, благодаря которой самые здоровые и сильные субъекты обрекаются на холостую жизнь, в гнилой атмосфере городской проституции, на нравственную и интеллектуальную атрофию казарменного общежития и военной дисциплины.

“ «Совершенно отрицательным, в сравнении с искусственным подбором индейцев и древних спартанцев является в современных государствах подбор людей, которыми пополняются постоянные армии. Этот способ подбора мы выделим в особый вид и назовем его «военным подбором». К сожалению, в настоящее время, больше, чем когда либо, милитаризм играет главную роль в том, что называется цивилизацией. Цвет и богатства сил цивилизованных государств расточаются на то, чтобы довести милитаризм до высшей степени совершенства. Напротив, воспитание молодежи и народное просвещение, т. е. самые прочные устои истинного процветания государств, находятся в достойном сожаления пренебрежении. И это

делается у народов, претендующих быть лучшими представителями самой высокой культуры и считающими, что они стоят во главе цивилизации!»

“ «Известно, что для увеличения наличного состава постоянных армий рекрутским набором выбираются самые здоровые и сильные молодые люди. Чем сильнее и нормальнее молодой человек, тем больше шансов, что он погибнет от пули скорострельного ружья, снаряда нарезной пушки, либо какого нибудь другого цивилизаторского оружия в том же роде. Наоборот, малосильные, страдающие какими-либо телесными недостатками молодые люди забраковываются рекрутским набором, остаются во время войны дома, женятся и производят потомство. Чем слабее, малокровнее и болезненнее молодой человек, тем больше у него шансов избежать военной службы и обзавестись семьей. В то время, как цвет молодежи проливает кровь на поле битвы, забракованные заморыши женятся, размножаются и передают свои болезни и телесные недостатки детям.»

“ «В силу законов наследственности последствием такого рода подбора является то, что физические, а вместе с ними и умственные недостатки не только распространяются, но и принимают все более острые формы; этим же искусственным подбором, в соединении со многими другими причинами объясняется и тот прискорбный факт, что в современных цивилизованных обществах телесная и умственная расслабленность прогрессирует, и все реже встречается сильный и независимый ум в здоровом и сильном теле.»

“ «Если бы кто-либо отважился выступить с предложением, чтобы по примеру индейцев и древних спартанцев, все дети слабые и болезненные, умерщвлялись тотчас после рождения, наше якобы гуманное общество подняло бы общий крик негодования; между тем это же самое гуманное общество находит в порядке вещей и молчит, когда сотни и тысячи молодых жизнерадостных людей, лучших представителей поколения, гибнет на войне. И спрашивается, ради чего приносится в жертву этот цвет народонаселения?»

“ «Ради чьих-то выгод, не имеющих ничего общего с интересами цивилизации? Ради династических интересов, чуждых для тех народов, которых заставляют беспощадно истреблять друг друга!»

«Так как цивилизация прогрессирует в смысле непрерывного увеличения состава постоянных армий, то конца войнам не предвидится; напротив, они должны стать все более и более часты.»

«Отмену смертной казни «гуманное цивилизованное общество» называет «либеральной мерой»! (Геккель, История естественного мироздания).

«Во всех странах, где существуют постоянные армии, рекрутский набор отнимает у общества самых красивых молодых людей; они или преждевременно умирают во время войны или, что часто бывает, приучаются к порочной жизни, и во всяком случае лишены возможности рано жениться; молодые же люди слабые, малорослые, плохо развитые физически остаются дома и имеют возможность жениться и оставить после себя потомство». (Дарвин, Потомство человека).

Пролетариат, устоявший в течении сотни веков против всех вышеупомянутых факторов ведущих к вырождению, и продолжающий выдвигать из своих рядов людей сильных телом и душой, доказал свою ни с чем несравнимую жизненность, и буржуазия, успевшая в столь короткий промежуток времени совершенно выродиться, не имеет права заявлять, что лучшие и даровитейшие индивидуумы происходят от нея. Факты доказывают, что это не верно, и что она ниже того, чем могла бы быть, благодаря занимаемому ею положению в человеческом обществе.

Из сказанного выше мы видим, что свободная «борьба за существование», на которую ссылается буржуазия — только фиктивно свободна и смело может быть сравнена с примерными сражениями, какие когда-то устраивались во время кровавых оргий римскими аристократами, где против вооруженных с ног до головы рыцарей выгонялись несчастные рабы, совершенно нагие, с жестяными мечами в руках. И когда представители буржуазии нам говорят, что жизнь — непрерывная борьба, что слабые обречены на гибель и должны очистить место сильным, мы вправе им ответить: мы согласны с вами; вы говорите, что побеждают сильные и лучше организованные? Хорошо, пусть будет по вашему! На основании ваших теорий, победа принадлежит нам, рабочим!

Ибо вашу силу составляет тот почтительный трепет перед вашими привилегиями, который вы сумели нам внушить; ваше могущество покоится на учреждениях, воздвигнутых вами, как средостение, между вами и народом, которого вы собственными силами не могли бы защитить; ваше превосходство основано на том непонимании наших интересов, в котором вы держали нас до сих пор; наконец, ваша даровитость заключается в той ловкости, с которой вы умели заставить нас быть защитниками ваших привилегий, назвав их: отечеством! нравственностью! собственностью! обществом! и т. д.

Теперь мы прозрели и поняли, наконец, что ваши интересы прямо противоположны нашим; что ваши учреждения вместо того, чтобы защищать нас, все глубже и глубже низвергают нас в нищету, и поэтому мы вам говорим:

Долой предрассудки! Прочь бессмысленное преклонение перед устаревшими учреждениями! Долой фальшивую нравственность! Мы сильнее и способнее вас, потому, что столько веков боремся с голодом и нуждой, работая до изнеможения, при невозможных гигиенических условиях и в явно болезнетворной обстановке, и несмотря на все это, мы живы еще и работоспособны! Мы даровитее вас, ибо нашим трудом держится ваш общественный строй.

Победить должны мы, потому что лучше приспособлены, чем вы: вы могли бы в любой момент исчезнуть с лица земли, и это не мешает нам производить и послужит только на пользу нам; но если бы мы отказались работать для вас, вы не сумели бы сами приняться ни за какой производительный труд!

Победа должна быть наша уже потому, что нас больше, а этого, как вы сами говорите, достаточно, чтобы узаконить все смелые замыслы, оправдать все честолюбивые стремления, и заставить простить все содеянные несправедливости! В день роковой битвы мы будем в праве применить к вам смертный приговор, произнесенный вами же самими, и устранить вас из общества, на организме которого вы лишь паразиты и тлетворные микробы!

Вы сами сказали:

“ Победа принадлежит сильнейшим.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 8 июля 2025 15:13:00

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 8 июля 2025 15:16:16